НЕКОТОРЫЕ ДВЕРИ ЛУЧШЕ
НЕ ОТКРЫВАТЬ...
ТОТ,
КТО СМОТРИТ
ИЗ
ЛЕСА
РОМАН
18+

Андрей Гран

Тот кто смотрит из леса

«Автор»
2026

Гран А.

Тот кто смотрит из леса / А. Гран — «Автор», 2026

В Липовке есть лес, в который лучше не заходить. Там время теряет смысл, прошлое возвращается, а знакомые лица скрывают чужие тайны.Михаил Корнеев приезжает в старый дом, надеясь разобраться в загадках своей семьи. Но за дверью с номером 1732 его ждёт не просто забытая история, а нечто, что помнит каждый его шаг.Красный мяч, пустой поезд, двойники и голоса из темноты постепенно складываются в страшную правду.Некоторые тайны лучше оставить в прошлом. Особенно если прошлое всё ещё смотрит на тебя из леса.

© Гран А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Гран
Тот кто смотрит из леса

ТОТ, КТО СМОТРИТ ИЗ ЛЕСА

Психологический хоррор

Единый непрерывный текст

Поезд остановился не сразу. Сначала он долго скрипел, будто пытался передумать, потом дёрнулся и наконец замер. За окном лежала Липовка — несколько улиц, низкие крыши, покосившаяся водонапорная башня и лес, который начинался почти за последними огородами.

Михаил Корнеев не выходил из вагона. Он смотрел на платформу и пытался вспомнить, когда в последний раз видел её не во сне. В детстве здесь всегда пахло мокрой древесиной, углём и яблоками из бабушкиного сада. Теперь пахло железом и сырой землёй. Может быть, так пахло и раньше, просто тогда он не замечал.

— Молодой человек, конечная, — сказала проводница.

Михаил поднял сумку. В ней лежали две рубашки, зарядное устройство, документы и связка ключей, которую ему прислали в плотном конверте без обратного адреса. На конверте было написано только его имя. Почерк он узнал сразу — угловатые буквы, слишком сильный нажим. Так писала Тамара Белова, соседка его родителей. Женщина, которая, по словам матери, знала о семье Корнеевых больше, чем следовало.

На перроне почти никого не было. У таблички «Липовка» стоял мужчина в оранжевом жилете и курил, прикрывая сигарету ладонью от ветра. Он посмотрел на Михаила, затем на сумку, словно сверял его с каким-то списком.

— К Корнеевым? — спросил он.

Михаил остановился.

— А вы кто?

— Да так. Местный. Давно тебя не было.

— Вы меня знаете?

Мужчина затянулся и пожал плечами.

— Здесь всех знают. Особенно тех, кто возвращается.

Он произнёс это без угрозы, почти буднично. Но Михаилу не понравилось, как прозвучало последнее слово. Он хотел спросить, что тот имеет в виду, однако мужчина уже отвернулся и пошёл вдоль платформы, не выпуская сигарету из пальцев.

Такси у станции не было. Михаил прошёл к дороге, достал телефон и увидел, что сеть едва держится. Последнее сообщение от Тамары пришло ночью: «Ключ у тебя? Не заходи в дом после темноты один». Он перечитал его ещё раз. Потом ещё. Ответить тогда он не стал — решил, что старуха опять путает заботу с суеверием.

Теперь сообщение казалось менее смешным.

По дороге Михаил несколько раз доставал телефон, чтобы перечитать сообщение Тамары. Он хотел позвонить ей, потребовать объяснений, услышать обычный человеческий голос. Но каждый раз экран гас раньше, чем он успевал нажать на вызов. В какой-то момент он заметил, что идёт мимо одного и того же дома уже второй раз. У забора стоял старый велосипед с погнутым передним колесом. На его руле висела детская варежка. Михаил узнал её: синяя, с белой снежинкой на ладони. Такая была у Софии в ту зиму, когда она исчезла. Он остановился, коснулся ткани и почувствовал, что варежка влажная и тёплая, будто её только что сняли с руки.

Из окна дома выглянула женщина. Михаил не знал её, но она смотрела на него так, словно ждала именно этого момента. «Не трогайте чужие вещи», — сказала она. Он отступил. Жен-

щина продолжала стоять за стеклом, не моргая. Потом медленно подняла руку и показала на лес. Не на дорогу, не на дом Корнеевых — туда, где за огородами темнели сосны. Михаил хотел спросить, что ей нужно, но в окне уже никого не было. На стекле остался отпечаток маленькой ладони.

До дома на Сосновой было около трёх километров. Михаил мог вызвать машину, но не хотел ждать у станции. Он закинул сумку на плечо и пошёл пешком.

Липовка встретила его пустыми окнами. За заборами темнели сады, на проводах висели обрывки старых пакетов. Несколько домов были заброшены; у одного покосившегося крыльца лежала детская лопатка, выцветшая до цвета пыли. На перекрёстке стоял новый дорожный знак, но под ним кто-то прибил старую деревянную табличку: «В лес после заката не ходить». Буквы были выведены чёрной краской и расплылись от дождя.

Михаил усмехнулся. В детстве такие предупреждения казались частью местного фольклора. Взрослые говорили их детям, чтобы те не лазили в овраги и не терялись среди деревьев. Лес был обычным — сосны, берёзы, заросшая просека, несколько болотистых низин. Ничего мистического.

Он повторил это про себя, когда дорога повернула к Сосновой.

Дом родителей стоял в конце улицы. Двухэтажный, с тёмной крышей и узкими окнами, он казался меньше, чем в памяти. Калитка висела на одной петле. На почтовом ящике ещё сохранилась фамилия: КОРНЕЕВЫ. Кто-то пытался содрать буквы, но оставил только царапины вокруг них.

Михаил толкнул калитку. Металл протяжно скрипнул. Во дворе трава доходила до колен, у крыльца лежала ветка, сломанная совсем недавно: её светлая древесина ещё не успела потемнеть. Он поднялся на ступеньки и достал связку ключей.

Ключ подошёл не сразу. Замок заедал, словно внутри набилась земля. Михаил надавил плечом, провернул ключ ещё раз — дверь открылась с глухим вздохом.

Запах ударил в лицо. Пыль, старые обои, холодная печная зола и что-то сладковатое, напоминающее перезрелые яблоки. Дом был закрыт давно, но запах не был запахом заброшенного жилья. Скорее, казалось, что кто-то только что вышел и оставил после себя нетронутую комнату.

— Ну здравствуй, — тихо сказал Михаил.

Ответа не было.

Он включил свет. Лампочка под потолком мигнула, загорелась и тут же погасла. В коридоре стало темно. Михаил выругался, достал телефон и включил фонарик.

На стене висела семейная фотография. Отец, Сергей, стоял у крыльца, положив руку на плечо маленького Михаила. Мать, Елена, сидела на ступеньке и улыбалась в объектив. Между ними оставалось свободное место — будто там должен был стоять ещё один ребёнок. Михаил помнил снимок. Помнил даже, как отец сердился, потому что фотограф попросил всех замереть. Но свободного места на фотографии раньше не было. Или он просто никогда его не замечал.

Он подошёл ближе. На стекле виднелись тонкие полосы пыли. В центре снимка, чуть позади родителей, темнела фигура. Лицо невозможно было разобрать: оно сливалось с тенью от дерева.

Михаил провёл пальцем по стеклу. Пыль осталась на коже. Фигура не исчезла.

— Старый снимок, — сказал он себе. — Засветка.

Он прошёл в кухню. На столе стояла эмалированная кружка с синей каймой. Рядом лежал календарь, раскрытый на октябре. Год был вырван. Михаил провёл ладонью по столешнице и ощутил под пальцами неглубокие царапины. Они складывались в короткие вертикальные черты, собранные группами по пять. Кто-то считал дни. Или что-то другое.

На холодильнике висела записка, закреплённая магнитом в форме груши. Почерк был материнский: «Миша, если вернёшься, не открывай дверь внизу». Ни даты, ни подписи.

Он перечитал записку, потом перевернул лист. На обратной стороне было написано: «Даже если услышишь меня».

Михаил почувствовал, как холодеют пальцы. Он помнил, что мать умерла семь лет назад. Отец исчез ещё раньше — официально его признали пропавшим без вести, хотя в Липовке предпочитали говорить «ушёл в лес». После этого Михаил уехал и почти не возвращался. Дом должен был быть пустым. Записка могла лежать здесь годами. Могла быть оставлена кем угодно.

Он сложил листок и убрал в карман.

Внизу, за кухней, находилась дверь в подвал. В детстве Михаилу запрещали туда спускаться. Отец говорил, что лестница сгнила. Мать говорила, что там мыши. Тамара однажды сказала, что подвал лучше не тревожить, потому что «у каждого дома есть место, куда не надо заглядывать». Тогда Михаил решил, что взрослые просто не умеют объяснять запреты.

Теперь дверь была заколочена.

Не просто закрыта: поперёк неё прибили три широкие доски. Гвозди были новыми, блестящими. На дереве возле ручки кто-то вырезал четыре цифры: 1732.

Михаил коснулся одной из досок. Дерево оказалось тёплым.

Он отдёрнул руку.

Из-за двери донёсся тихий звук. Не стук. Скорее, осторожное движение — будто кто-то переступил с ноги на ногу по ту сторону.

Михаил застыл. В доме было тихо, но тишина вдруг обрела направление. Она шла из подвала, поднималась по лестнице и останавливалась у него за спиной.

— Там кто-нибудь есть? — спросил он.

Никто не ответил.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один. В этот момент телефон завибрировал. На экране высветилось имя: «Тамара Белова».

— Да?

— Ты уже в доме? — спросила она.

Голос у неё был такой, словно она бежала.

— Да. Только вошёл.

— Ты один?

— Пока да. А что?

— Слушай меня внимательно. Не трогай дверь в подвале.

Михаил посмотрел на заколоченные доски.

— Я и не собирался.

— И не отвечай, если кто-то позовёт тебя снизу.

Он помолчал.

— Тамара, что происходит?

На другом конце стало тихо. Затем она спросила:

— Ты уже слышал отца?

Михаил почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Нет.

Он солгал. Потому что в ту же секунду из-за досок донёсся голос Сергея Корнеева — хриплый, низкий, знакомый до боли:

— Мишка. Открой. Я замёрз.

Телефон выпал из руки и ударился о пол. Из динамика продолжал звучать голос Тамары, но слова распались на треск. Михаил не мог отвести взгляд от двери.

Голос отца повторил, уже тише:

— Мишка, ну пожалуйста. Это же я.

Михаил знал этот голос. Знал паузу перед последним словом, лёгкую сиплость, привычку произносить его имя так, будто оно было коротким упрёком. Он слышал его в детстве каждое утро. Слышал в последнем телефонном разговоре. Слышал во сне — но никогда так ясно.

Отец пропал четырнадцать лет назад.

Михаил медленно наклонился, поднял телефон и прижал его к уху.

— Тамара?

— Не открывай! — закричала она. — Что бы он ни говорил, не открывай!

Снизу раздался короткий смешок. Не отцовский. Слишком высокий, почти детский.

А потом голос за дверью произнёс то, чего Михаил никому не рассказывал. Даже матери. Даже самому себе он старался не вспоминать тот вечер у лесной канавы, когда маленькая София протянула ему руку, а он не удержал её.

— Ты ведь опять отпустишь меня, Миша?

Михаил отступил, ударился спиной о стену и выбежал из кухни. Он не помнил, как оказался в коридоре и как распахнул входную дверь. Холодный воздух ударил в лицо. Он выскочил на крыльцо и захлопнул дверь за собой.

Во дворе уже темнело. За огородами стоял лес. Между стволами медленно двигалась тень — не приближаясь, но и не исчезая. Михаил прищурился. На мгновение ему показалось, что кто-то стоит у самой кромки деревьев и смотрит прямо на дом.

Телефон снова завибрировал. Тамара прислала сообщение: «Я иду. Не заходи обратно. И, Миша… если увидишь себя в окне — не смотри ему в глаза».

Он поднял голову.

На втором этаже, за занавеской в комнате родителей, стоял человек. Он был похож на Михаила — та же сутулость, та же линия плеч, та же привычка держать голову чуть наклонённой. Человек смотрел вниз, во двор.

Михаил моргнул. Фигура не исчезла.

Она подняла руку и медленно постучала по стеклу.

Три раза.

Потом в окне погас свет, хотя во всём доме электричества не было.

Михаил Корнеев не был в Липовке двадцать три года. Он уехал мальчишкой в ночь, когда мать заперла кухонную дверь и велела не смотреть в окно. Утром отец исчез, а Елена сказала, что Сергей ушёл в лес и не вернётся. Теперь Михаил приехал после смерти матери: она оставила ему дом на Сосновой и короткую записку — «Приезжай. Есть вещи, которые нельзя передать по почте».

У остановки его встретила Тамара Белова. Она постарела, но взгляд остался острым.

— Не надо было приезжать, Миша.

— Я ненадолго.

— Так все говорят. Дом пустовал, а лес — нет.

Она отдала ему связку ключей. На одном была бирка с числом 1732. В доме пахло пылью и мокрой землёй. На семейной фотографии рядом с Михаилом и родителями кто-то выскоблил лицо маленькой девочки. Из-за заколоченной двери под лестницей раздались три удара.

— Миша, открой, — прошептал голос отца. — Я замёрз.

На досках была надпись: «НЕ ОТВЕЧАЙ, ЕСЛИ УСЛЫШИШЬ СВОЙ ГОЛОС».

Он поднялся на второй этаж, стараясь не смотреть на семейную фотографию. В спальне матери всё осталось на своих местах: аккуратно застеленная кровать, флакон духов на комоде,

стопка книг у окна. На подоконнике стояла чашка с засохшим чайным ободком. Михаил взял её и почувствовал, что фарфор ещё тёплый. Он тут же поставил чашку обратно. В доме не было отопления, электричество включили только час назад. Теплу здесь было неоткуда взяться.

В нижнем ящике комода он нашёл детский рисунок. Три человека держались за руки перед домом, а четвёртый стоял у деревьев. Над ним детской рукой было написано: «Он тоже с нами». Михаил долго всматривался в рисунок. У четвёртой фигуры не было лица, зато пальцы были прорисованы особенно тщательно — длинные, тонкие, почти до колен.

Он сел на край материнской кровати и попытался восстановить тот день, когда рисунок был сделан. В памяти возникла кухня, запах молока, радио, которое отец чинил у окна. София сидела на полу и раскрашивала дом зелёным карандашом. Михаил помнил, как смеялся над её деревьями: они были выше крыши, а на ветках висели круглые красные яблоки. Потом мать сказала, что пора обедать. Обыкновенное воспоминание, почти уютное. Но чем дольше он держал его в голове, тем отчётливее замечал странность: на рисунке у дома не было двери. Только тёмный прямоугольник вместо входа.

Он открыл ящик тумбочки. Там лежали старые квитанции, пуговицы, засохшая ручка и маленький блокнот в клетку. На нескольких страницах мать записывала покупки, лекарства и телефонные номера. На последней странице, между двумя перечёркнутыми списками, стояла фраза: «Если Миша спросит о сестре, сначала спросить, какой сегодня год». Ниже были приписаны три даты: 2003, 2008 и 2016. Возле каждой — короткая черта, как отметка в счёте. Михаил закрыл блокнот. Он вдруг понял, что мать не просто боялась леса. Она вела учёт чего-то, что возвращалось.

Перед сном он проверил входную дверь дважды. Потом ещё раз. Когда лёг, из кухни донёсся короткий звон, будто ложка коснулась края чашки. Михаил включил свет и вышел в коридор. На столе лежала фотография, которую он оставил в гостиной. Теперь на ней все трое смотрели не в объектив, а на пустое место рядом с Михаилом.

Ночью за дверью комнаты прошептал голос самого Михаила: «Не называй её мамой». На полу коридора утром остались мокрые следы босых ног. Они шли от лестницы к его кровати и обрывались у порога.

Михаил не сразу понял, что именно его разбудило. В комнате было темно, за окном шумел ветер, а батарея тихо потрескивала, остывая. Он лежал неподвижно и слушал. В доме кто-то ходил. Не крался и не прятался — просто передвигался из комнаты в комнату с той неторопливостью, с какой ходят люди, уверенные, что имеют на это право.

Шаги остановились у двери спальни. Михаил посмотрел на ручку. Она медленно опустилась на несколько миллиметров и вернулась на место. Потом раздался голос матери:

— Мишенька, ты не спишь? Я поставила чайник.

Он чуть не ответил. Это было самое страшное: голос не звучал зловеще. В нём была привычная усталость, мягкая хрипотца и та особая интонация, которой Елена звала его завтракать в детстве. Михаил уже вдохнул, чтобы сказать «сейчас», но вспомнил кассету: не верь тем, кто выглядит знакомым. Он сжал губы.

— Я знаю, что ты слышишь, — продолжила мать. — Ты всегда просыпался, когда я ставила чайник. Даже маленьким. Тебе казалось, что если не придёшь первым, София съест все печенья.

На имени сестры у Михаила свело живот. За дверью тихо засмеялись. Смех был коротким и очень похожим на настоящий.

— Ты ведь помнишь, как мы втроём сидели на кухне? — спросила Елена. — Отец чинил радио, а ты прятал сахар в карман. Я делала вид, что не замечаю. Ты был хорошим мальчиком, Миша. Только иногда слишком крепко держал то, что боялся потерять.

Михаил сел на кровати. Он не мог понять, откуда пришла эта фраза — из памяти или из-за двери. Воспоминание о сахаре было настоящим. Он действительно прятал кусочки в кар-

ман, чтобы потом отдать Софии. Но мать никогда не называла его хорошим мальчиком за это. Она говорила, что он липкий и что муравьи однажды найдут его раньше, чем он доберётся до школы.

— Ты ошиблась, — произнёс он наконец. — Мама говорила иначе.

За дверью наступила тишина. Потом ручка медленно поднялась сама собой, будто невидимая рука отпустила её.

— Значит, кое-что ты всё-таки сохранил, — сказала женщина. И шаги удалились не по коридору, а вверх, хотя спальня находилась на втором этаже и выше неё была только крыша.

До рассвета Михаил больше не сомкнул глаз. Утром он обнаружил на полу возле двери три маленькие лужицы. Вода в них была чёрной, как в колодце. Он принёс полотенце, вытер пол и выбросил его в печь. Когда ткань занялась, из огня на секунду проступило лицо девочки с красным мячом.

В кухонном шкафу он нашёл диктофон и кассеты. На первой рукой Елены было написано: «Для Михаила. Если вернётся». Голос матери звучал испуганно: «Если ты это слушаешь, лес снова начал звать. Не верь тем, кто выглядит знакомым. В доме есть дверь. За ней колодец. Не смотри вниз, если услышишь счёт».

Кассета шуршала, и Михаилу пришлось несколько раз перемотать плёнку назад. Елена говорила тихо, словно боялась, что её услышат из соседней комнаты. «Миша, ты должен помнить не то, что тебе рассказывают, а то, что помнишь сам. Если память станет чужой, ищи простые вещи. Как пахнет хлеб. Как скрипит третья ступенька. Как отец стучал пальцами по чашке. Настоящее не всегда выглядит правдой, но оно оставляет мелкие следы». Затем послышался детский голос: «Мама, а он уже пришёл?» Елена ответила не сразу. «Нет, София. Ещё нет».

Михаил остановил запись. Он сидел неподвижно, пока катушки продолжали вращаться. На эти несколько секунд его детство перестало быть далёкой историей и стало комнатой, в которую можно было войти. Он вспомнил, что у Софии была привычка прятать под подушкой гладкие камешки. Она говорила, что каждый камень — это маленький дом для того, кто потерялся. Однажды Михаил выбросил целую горсть в колодец, чтобы напугать её. София заплакала, а он пообещал достать камни утром. Утром колодец исчез. Он никогда не рассказывал об этом Семёну.

В подвале за стеллажами обнаружилась дверь, замурованная кирпичом. На штукатурке проступали цифры 1732. Когда Михаил повернул ключ, за стеной плеснула вода.

У забора стоял Семён, знакомый с детства.

— Я знал твоего отца. Он просил передать: если увидишь себя у опушки, не подходи.

— Почему?

— Потому что тот, кто там стоит, уже знает, как ты умрёшь.

На втором этаже за занавеской действительно виднелся силуэт Михаила.

Он включил диктофон снова и обнаружил, что после материнского предупреждения на плёнке есть ещё несколько секунд. Сначала слышалось дыхание, затем скрип стула. Елена говорила уже не в микрофон, а кому-то рядом: «Он не должен помнить, что держал её за руку». Мужской голос ответил: «Он всё равно вспомнит». Мать произнесла: «Тогда пусть вспомнит не один». Запись закончилась тремя ударами.

Михаил вынул кассету и осмотрел её на свет. На прозрачном пластике, под катушкой, была наклеена узкая полоска бумаги с именем «София». Он провёл ногтем по надписи. Бумага была влажной, словно кассету только что достали из воды.

Семён долго молчал, когда Михаил пересказал ему запись. Потом спросил, слышал ли он имя. Михаил кивнул. «Тогда она уже знает, что ты здесь», — сказал Семён. «Кто — она?» Но сосед лишь посмотрел на лестницу. Сверху раздался медленный скрип половиц, хотя оба стояли внизу.

Семён отвёл Михаила к старому сараю. На стене были выцарапаны даты и имена: Сергей, Елена, Тамара, Нина, Михаил. Некоторые даты повторялись.

— Люди исчезают, а потом возвращаются, — объяснил Семён. — Иногда через годы. Иногда через несколько минут. Но возвращаются не всегда те же.

Семён провёл пальцем по одной из дат. «Вот это — мой отец. Он вернулся через неделю после похорон. Не домой, конечно. Сначала его увидели у магазина, потом возле школы. Он был в той же куртке, в которой его хоронили, только сухой и чистый. Мать закрыла ставни и велела нам не подходить к окнам. А я подошёл. Он стоял на другой стороне улицы и показывал мне что-то в ладони. Я решил, что это ключ. Потом понял: он показывал мне пустую руку».

— Почему ты никому не рассказал? — спросил Михаил.

— Рассказывал. Первые годы. Потом люди перестали слушать. В Липовке проще сказать, что человек запил, уехал или сошёл с ума. Любое объяснение лучше того, которое требует признать: иногда домой возвращается не тот, кого ты ждёшь.

Семён вытер стену рукавом, будто хотел стереть имена. Но царапины были глубже краски.

— А ты почему остался?

— Кто-то должен помнить, где нельзя открывать дверь.

— И ты думаешь, это помогает?

Семён посмотрел на него.

— Нет. Но если уйду я, здесь некому будет предупредить следующего.

После разговора с Ниной Михаил вернулся к дому один. Семён ушёл проверить старую пилораму и обещал встретить его к вечеру. На Сосновой было непривычно тихо. Даже собаки за соседними заборами не лаяли. Михаил открыл калитку и увидел, что на крыльце стоит детская обувь — две маленькие резиновые туфли, покрытые засохшей грязью.

После разговора с Семёном Михаил не сразу пошёл домой. Они свернули к школе, хотя занятия там не проводились уже много лет. Здание стояло за спортивной площадкой, окружённое заросшими кустами сирени. На стене ещё виднелись следы от букв, которыми когда-то было выведено название учреждения. Несколько окон заколотили фанерой, но одно на первом этаже оставалось целым. За мутным стеклом висела выцветшая карта мира.

— Ты здесь учился? — спросил Михаил.

— До восьмого класса. Потом отец пропал, мать увезла меня к сестре в город. Я вернулся уже взрослым.

— И всё это время знал про лес?

Семён пожал плечами.

— Знать и понимать — разные вещи. Когда мне было двенадцать, отец пришёл домой после своей первой пропажи. Мать поставила перед ним тарелку супа. Он ел и рассказывал, что был на рыбалке. Только у нас не было рыбалки зимой, а на его рукаве засохла трава. Я спросил,

где он был. Он посмотрел на меня и ответил: «Ты ведь меня не помнишь». Я рассмеялся. Решил, что он шутит. А ночью мать сказала, что у неё никогда не было мужа.

— Она забыла его?

— Не совсем. Она помнила, что в доме кто-то жил. Помнила привычку ставить две чашки. Но не могла вспомнить лицо. Через неделю отец исчез снова. На этот раз никто не стал его искать.

Михаил остановился возле школьной ограды. За сеткой лежал ржавый обруч, а рядом — маленькая варежка, давно потерявшая цвет.

— Почему ты остался? — спросил он. — Мог уехать и не возвращаться.

— Потому что однажды увидел у магазина мальчика, похожего на себя. Он стоял под дождём и смотрел на меня. Я отвернулся, а когда посмотрел снова, рядом со мной уже стоял мой отец. Сказал: «Не оставляй его одного». Я не понял, кого именно он имел в виду. С тех пор я жду, когда пойму.

Они прошли вдоль забора. На кирпичной стене кто-то процарапал детскими буквами: «СЕМЁН БЫЛ ЗДЕСЬ». Ниже, более мелко, было добавлено: «И НЕ ОДИН».

Семён коснулся надписи и быстро убрал руку.

— Я не помню, чтобы писал это.

— Может, другой Семён?

— Вот этого я и боюсь.

Из школьного коридора донёсся звонок. Короткий, металлический, как будто кто-то ударил ложкой по батарее. Семён побледнел.

— Здесь давно нет электричества, — сказал он.

Михаил посмотрел в окно. За стеклом стоял мальчик в школьной форме. Он был худым, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Мальчик поднял ладонь и приложил её к стеклу. На запястье темнел след от часов — точно такой, какой остался у Михаила после детских наручных часов, потерянных в день исчезновения Софии.

— Не смотри, — прошептал Семён.

Но мальчик уже улыбался. И Михаил узнал собственную улыбку — ту, что появлялась у него, когда он собирался соврать.

Они ушли, не оборачиваясь. За спиной снова прозвенел звонок, а потом по школьному двору побежали детские голоса. Кто-то выкрикнул имя Михаила, кто-то засмеялся, и один голос — совсем маленький — попросил подождать. Михаил ускорил шаг. Он не знал, был ли это голос Софии. Он только знал, что на этот раз не остановился.

Он узнал их. София носила такие в дождливую погоду. На правой туфле возле носка была царапина в форме полумесяца: Михаил сам провёл её гвоздём, когда они играли во дворе. Он поднял обувь. Внутри лежал гладкий серый камешек.

В доме он нашёл коробку с фотографиями, которую раньше не заметил. Она стояла за нижней полкой шкафа, обёрнутая старой наволочкой. На снимках семья менялась: сначала Сергей и Елена молодые, потом Михаил в школьной форме, затем София с короткой стрижкой. Но на некоторых фотографиях рядом с ними появлялся ещё один мальчик. Он был чуть выше Михаила, с тем же лицом, но всегда стоял в стороне.

На обороте одного снимка отец написал: «Не путать. Этот вернулся первым».

Михаил сел прямо на пол. Он разложил фотографии по датам и заметил, что мальчик появлялся не на всех. На одном снимке его лицо было вырезано ножницами, на другом закрашено чёрной ручкой. На третьем он стоял за спиной Софии и держал ладонь у неё на плече. Девочка улыбалась, но пальцы её были сжаты в кулак.

Под фотографиями лежал конверт. Внутри — короткая записка от Сергея: «Если ты читаешь это, значит, я не смог удержать дверь. Не верь тому, кто скажет, что ты был заменён.

Замена — это слово, которое придумали люди, чтобы не произносить худшее. Вы оба мои сыновья. Но один из вас помнит, как умер».

Михаил перечитал записку несколько раз. Он не понимал, к кому обращено последнее предложение. К нему? К другому мальчику? Или к тому, кто сейчас стоял по ту сторону стены и учился дышать его лёгкими?

Внизу скрипнула половица. Михаил поднял голову. В дверном проёме стояла София — настоящая на вид, в жёлтом свитере, с красным мячом под мышкой.

— Ты нашёл мои туфли? — спросила она.

Михаил не ответил.

— Я думала, ты их выбросил. Ты всегда выбрасывал то, что тебе напоминало обо мне.

— Ты не она.

София улыбнулась без обиды.

— А если я помню, как ты научил меня свистеть? Если помню, как мы прятались под столом, когда отец сердился? Если помню, что ты боялся темноты и оставлял дверь приоткрытой?

— Это можно узнать.

— Можно. Но можно ли узнать, что ты тогда сказал мне у канавы? Ты сказал: «Подожди здесь, я сейчас вернусь». А потом ушёл. Я ждала. Долго. Ты ведь тоже ждал бы, правда?

Мяч выскользнул у неё из-под руки и покатился по полу. Он остановился у ног Михаила. На резине была трещина, из которой сочилась вода.

— Я не знаю, кто ты, — сказал он.

— Зато я знаю, кто ты, — ответила девочка. — Ты тот, кто всё время возвращается, но никогда не приходит.

Она исчезла не вспышкой и не дымом. Просто в следующую секунду дверной проём оказался пустым. Мяч остался лежать на полу. Михаил не прикоснулся к нему. Он вышел из дома и долго стоял на крыльце, пока не услышал шаги Семёна за калиткой.

Вечером Михаил пошёл к опушке. Между стволами стоял мужчина в его куртке. Тот поднял руку.

— Сынок, я нашёл выход, — произнёс он голосом Сергея.

Семён сбил Михаила с ног прежде, чем тот успел сделать шаг. Темнота между деревьями отделилась от стволов и поползла к ним. Они добрались до дома, заперли дверь и задвинули засов.

— В Липовке его называют Смотрящим, — сказал Семён. — Оно не охотится за телом. Оно хочет, чтобы ты сам согласился поменяться местами.

В зеркале прихожей Михаил увидел отца за своим плечом. Сергей был мокрый по пояс, а из рукавов у него стекала чёрная вода.

В ту ночь Михаилу приснилось, что он снова маленький. Он стоял у края поля, а отец звал его из леса. За спиной Сергея кто-то держал девочку за плечи. Михаил не мог разглядеть её лица, но знал, что это София. Он хотел крикнуть, однако изо рта вылетали только сухие листья. Проснувшись, он обнаружил на подушке несколько сосновых иголок.

Семён объяснил, что Смотрящий редко нападает сразу. Сначала он изучает человека: привычки, интонации, мелкие воспоминания. Потом подбирает голос, который невозможно не узнать. «Он не читает мысли, — сказал Семён. — Он вытаскивает то, что ты сам прячешь, и показывает тебе это снаружи».

Вечером Семён принёс из сарая старую жестяную коробку. В ней лежали школьные тетради, несколько значков и связка ключей с деревянным брелоком. На брелоке была выжжена буква «С».

— Это отцовское? — спросил Михаил.

— Нет. Моё. Я сделал его в школьной мастерской. Отец тогда ещё был дома.

Семён достал тетрадь в синей обложке. На первой странице детским почерком было написано: «Сочинение. Мой лучший друг». Ниже стояло имя Михаила Корнеева.

— Ты писал про меня?

— Учительница задала сочинение. Я написал, что ты однажды полез в реку за моим ботинком и чуть не утонул. Ты сказал, что это был не ботинок, а корабль. Я помню тот день. А вот самого тебя иногда помню плохо.

Он раскрыл тетрадь. Между страницами лежала фотография двух мальчиков у школьного забора. Один был Семён. Второй — Михаил. На обороте стояла дата, но цифры расплылись от воды.

— Посмотри на лицо, — сказал Семён. — Оно каждый раз другое.

Михаил поднёс снимок к лампе. Сначала он увидел себя в десять лет, с разбитой губой и торчащим вихром. Потом черты дрогнули. На фотографии оказался мальчик, которого Михаил никогда не встречал: светлые волосы, узкий подбородок, чужая родинка под глазом. Через секунду лицо снова стало его собственным.

— Это не фотография, — сказал он.

— Я знаю. Но почему тогда она хранится в коробке?

Семён перевернул снимок. На обороте проступила надпись, которой прежде не было: «Двое ушли. Один вернулся».

— Ты думаешь, это про нас? — спросил Михаил.

— Я думаю, что место не различает нас так, как мы сами. Для него мы — две версии одной истории. Может, поэтому оно всё время пытается поменять нас местами.

Михаил хотел возразить, но заметил внизу страницы ещё одну строку. Почерк был взрослым, аккуратным, не похожим ни на его, ни на Семёнов. «Не доверяй тому, кто помнит всё».

— Кто это написал?

Семён долго смотрел на строчку.

— Учительница. Она пропала в тот же год, что и София. Перед исчезновением она сказала моей матери, что дети начали рассказывать ей сны, которые снились не им.

— Какие сны?

— Что они стоят у колодца и видят сверху собственные лица. Что кто-то зовёт их по имени, а потом спрашивает, кем они хотят быть, когда вырастут. И что все отвечают одинаково: «Тем, кто вернётся домой».

В коробке под тетрадью обнаружилась маленькая деревянная фигурка. Человечек без лица, с вытянутыми руками. Михаил провёл пальцем по гладкому дереву и вдруг вспомнил, как вырезал такую же для Софии. Она назвала фигурку сторожем и поставила возле кровати, чтобы он охранял её от темноты.

— Я сделал её? — спросил Михаил.

— Ты. А потом она пропала.

— Значит, эта не моя.

Семён не ответил. Он осторожно завернул фигурку в тряпицу и убрал обратно. За окном ветер качнул ветви яблони. На стекле на миг отразились трое: Михаил, Семён и маленькая девочка между ними. Когда Михаил резко обернулся, комната была пуста.

— А ты видел его? — спросил Михаил. Семён посмотрел на свои ладони. «Видел. Однажды он выглядел как мой брат. Брат умер за десять лет до этого. Я открыл ему дверь. Хорошо, что успел заметить: у него на правой руке было шесть пальцев». Семён поднял глаза. «С тех пор я никогда не считаю пальцы у живых людей. Только у тех, кто просит впустить».

Нина Громова хранила записи о пропавших в старом фельдшерском пункте. Она показала Михаилу фотографию девочки с выскобленным лицом.

— София. Твоя сестра.

Нина достала из нижнего ящика ещё одну фотографию. На ней Михаил и София сидели на ступеньках у сарая. Девочка держала красный мяч, а мальчик смотрел не в объектив, а куда-то за плечо фотографа. На обороте было написано: «Первый день, когда Миша согласился играть с ней». Михаил долго рассматривал снимок. Ему казалось, что он должен вспомнить этот день, но память оставалась пустой.

— Ты ведь не можешь помнить всё, — сказала Нина. — После того случая Елена водила тебя к врачу в районный центр. Ты не говорил, не ел, не узнавал отца на фотографиях. Потом однажды проснулся и спросил, где София. Мать ответила, что у тебя никогда не было сестры. И ты поверил.

— Почему ты молчала?

— Потому что обещала Елене. А потом поняла, что обещание тоже может стать клеткой.

Нина убрала фотографию, но Михаил попросил оставить её. Впервые за много лет у него появилось доказательство, что пустота в его детстве имела имя.

Михаил всю жизнь считал себя единственным ребёнком. Нина рассказала, что София исчезла в 2003 году, когда Сергей спустился за ней в колодец, которого не было ни на одной карте. Отец не вернулся. Елена после этого стала оставлять в доме фотографии и записи, словно пыталась удержать память о настоящих людях.

— Если встретишь Елену, не верь ей, — предупредила Нина. — Твоя мать умерла. И она знала, что однажды ты услышишь её из колодца.

На обратном пути у остановки стояла девочка с красным мячом.

— София? — прошептал Михаил.

Девочка повернула голову. Лица у неё не было — только гладкая кожа. Потом на ней раскрылся рот, слишком широкий и вертикальный.

Нина не сразу впустила его в фельдшерский пункт. Сначала она смотрела через мутное стекло, потом отодвинула занавеску и только тогда открыла дверь. На ней был старый шерстяной кардиган, застёгнутый не на те пуговицы. В помещении пахло йодом, пылью и сушёной мятой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.